

УДК 81'37

ББК 81.2

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2022/3/6-10>

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ОБОРОТЫ КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ЗВУКОВОЙ ПАМЯТИ

А. П. Бабушкин, П. Б. Кузьменко

Воронежский государственный университет

COMPARATIVE STRUCTURES AS A MEANS OF SOUND MEMORY ACTIVISATION

A. P. Babushkin, P. B. Kuzmenko

Voronezh State University

Аннотация: косвенная речь способна в определенной степени реанимировать «живую» речь героев художественного произведения в том «возможном мире», который создается пером писателя, когда она взывает к звуковой памяти читателей – носителей русского языка – посредством сравнительного оборота, вступая при этом в параллель с наречием как образом речевого действия в составе главного предложения. Актуализация речевой памяти позволяет умозрительно воспринимать тон речи вымышленного персонажа, громкость, темп и четкость ее воспроизведения. Сравнительный оборот активизирует палитру звуков, имплицитную наречием, которая без помощи сравнительного оборота оставалась бы «вещью в себе». Сравнение оживляет в памяти реципиента художественного текста «звуковые реминисценции», связанные с другими, но по звуковому эффекту похожими эпизодами, вписанными в его жизненный и коммуникативный опыт. Человек не отдает себе отчет в том, что данный процесс имеет место, однако образное сравнение подспудно диктует осознание этого. Авторы обсуждают типизированные, сценарно знакомые ситуации говорения, а также единичные, являющиеся плодом языкового творчества носителя языка. В зависимости от этого выявляются языковые средства, устойчиво функционирующие в тех или иных ситуациях. В результате анализа языкового материала авторы статьи приходят к заключению о том, что союзы **словно**, **будто** и **как будто**, присоединяя часть предложения, содержащую уподобление, могут вводить такие глаголы, которые выражают однократные действия, служащие в целях уподобления основного речевого действия. Особый интерес вызывают синтаксические структуры и морфологические особенности языковых средств, формирующих предложения указанных выше типов.

Ключевые слова: сравнение, звуковая память, косвенная речь, художественный текст.

Abstract: indirect speech is able, to a certain extent, to reanimate the “live” speech of the heroes of a work of art in a “possible world” that is created by the writer’s pen when it appeals to the sound memory of readers – native speakers of the Russian language – through a comparative construction, while entering into parallel with the adverb as a way of speech action in the main sentence. The activation of speech memory allows you to speculatively express the tone of speech of a fictional character, the volume, tempo, and clarity of its reproduction. Comparative construction acts as sound reminiscences, revealing the content of the “audio script” implied by the adverb, which without the help of comparative structure would remain a “thing in itself”. Comparison revives in the memory of the recipient of a literary text a “sound picture”, similar to it, once inscribed in his life and communicative experience. A person does not realize that this process is taking place, however, a figurative comparison implicitly dictates the awareness of this. Of particular interest are the syntactic structures and morphological features of linguistic means that form sentences of the above type.

Key words: comparison, sound memory, indirect speech, literary text.

© Бабушкин А. П., Кузьменко П. Б., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Как известно, речь обладает такими характеристиками, как уровень громкости, темп, тональность, четкость ее воспроизведения и выразительность. Есть и другие ее параметры, зависящие от личностных качеств говорящего и ситуации общения.

Ссылаясь на А. Д. Шмелева, будем считать, что речь героев художественных произведений является атрибутом «возможного мира», который читатель воспринимает как условно действительный, так как понимает, что эта действительность ограничивается рамками художественного произведения [1, с. 115–116]. Такое допущение позволяет принимать речь персонажей, сотворенную пером писателя, за звучащий язык реальных людей. Не случайно ученые-лингвисты иллюстрируют выдвигаемые ими положения цитатами из художественной литературы, воспринимая прямую речь книжных героев как высказывания, «списанные с натуры». Вполне понятно, что эти цитаты отнюдь не звукозапись, поэтому литераторы снабжают речь действующих лиц своих произведений «словами автора»: *он громко крикнул, произнес вполголоса, кто-то тихо промолвил, она пренебрежительно сказала, торопливо заметила, восторженно воскликнула*.

Конечно, то, что произносит человек в тексте, может быть представлено не только в формате прямой, но и косвенной речи, и в этом случае при определенных условиях возможна умозрительная реанимация «звукоряда» высказывания. Эти условия сводятся к ситуации, когда в сложноподчиненном предложении, вводящем косвенную речь, за главным предложением с глаголом говорения в сочетании с наречием, следует придаточное, содержащее сравнительный оборот, который дублирует признак речевого действия развернутым «сценарием». Этот сценарий представляется узнаваемым (где-то нечто подобное имело место).

При этом признак действия, обозначенный наречием, мысленно озвучивается, активизируя звуковую память человека. В психологии различают разные виды памяти, среди них: зрительную (iconic store) и звуковую (echoic store – от англ. echo – эхо) [2, p. 126]. В когнитивной науке изучают отдельный вид памяти – эпизодическую память, рассматриваемую «как продукт перцептивной деятельности человека, результат того, что он видел, слышал, осязал» (выделено нами. – А. Б., П. К.) [3]. Таким образом, звуковая память является составной частью эпизодической.

Материал и методика исследования

Материалом исследования выступают предложения с косвенной речью, в которых с помощью сравнительного оборота она уподобляется какой-либо

типичной ситуации говорения, существующей в сознании носителя языка. Источником материала послужили фрагменты текстов художественных произведений, полученные из Национального корпуса русского языка.

Изучение интересующих нас предложений предполагает следующее:

1) демонстрацию «развертки» указанных выше признаков речевого действия по направлениям: тон речи, уровень ее громкости, темп и четкость ее воспроизведения;

2) выяснение степени типичности/типизированности ситуации говорения, содержащейся в сравнительном обороте;

3) установление языковых средств, функционирующих в соответствующей ситуации говорения, а также описание их морфологических особенностей.

Обратимся к конкретным примерам, почерпнутым из художественной литературы.

Результаты исследования

I. Тон речи.

Под тоном обычно понимают оттенок речи, ее звучания. Толковый словарь русского языка приводит в качестве примеров такие выражения, как «надменный тон», «разговаривать на высоких (повышенных) тонах – раздраженно, ссорясь».

Существуют и другие варианты представления тона в предложениях интересующего нас плана.

– Скажите ему от себя, посоветуйте, сделайте, как хочется. – Она сказала это громко, как говорит избалованное дитя, которое не знает «нет», когда говорит «Я хочу» (М. Авдеев. Тамарин).

См. еще одну иллюстрацию в том же ключе:

Всё это он сказал наигранно, тоном взрослого, словно вел разговор с пятилетним ребенком (В. Агопин. Последняя женщина Наполеона).

Данные сравнения позволяют умозрительно «услышать» в разных ситуациях и речь ребенка, проецируемую на просьбу, звучащую из уст капризной дамы, и речь – в адрес малолетнего собеседника, произнесенную в весьма неестественной манере.

Список подобных примеров можно продолжить.

Да это же девушка! – радостно воскликнула женщина, словно увидела чудо из чудес (М. Эльденберт. Мой лорд из другого мира).

Здесь радостное восклицание созвучно приятно удивлению, выраженному голосом, которое знакомо читателю по его опыту наблюдения за языком окружающих.

II. Громкость речи.

Сравнительные обороты способны указывать на степень громкости речи. См., например:

Васюков разговаривал со мной громко, как с глухим (К. Воробьев. Крик).

То есть если ведут беседу с тем, кто туг на ухо, то, чтобы быть услышанным, практически переходят на крик. В русском языке известен фразеологизм «кричать во всю ивановскую». Замечено, что разговаривая с иностранцем на родном языке, не зная чужого, человек также увеличивает силу голоса. Создается иллюзия, что чем громче он что-то скажет, тем будет понятнее. Как правило, это происходит бессознательно.

Известна громкость сценической речи. Не случайно с ней сравнивают «выступления» человека подшофе, который под воздействием спиртного говорит громко и возбужденно:

Только слышу, что он громко, будто со сцены – уже выпил с утра – на весь вагон рассказывает, как в детстве ему купили новые галоши (М. Шишкин. Письмовник).

Естественно обратиться к антониму слова «громко»:

– Да! – сказал он глухо, точно актер в четвертом действии драмы (А. Куприн. Яма).

Автор раскрывает характер слова «глухо» – невнятно, негромко – сопоставляя его звучание со сценической речью лицедея, очевидно, уставшего за три предшествующих действия пьесы. Это чувство понятно каждому, кому приходилось долго говорить «на аудиторию».

И ниже:

– Роза, что тут такое? – негромко спросила заведомо. Роза тоже негромко – так говорят врачи между собой при больном о больном же, еще на суде так говорят и в милиции – вроде между собой, но нисколько не смущаются, если тот, о ком говорят, слышит, – Роза негромко пояснила <...> (В. Шукшин. Обида).

Благодаря сравнению авторское «негромко» мысленно развертывается в целый ряд эпизодов, превращая наречия в живую «звуковую» картинку.

III. Темп речи.

Когда мы говорим о темпе речи, прежде всего, имеем в виду скорость ее продуцирования:

И он начинает говорить быстро, пропуская глаголы, будто диктует телеграмму (А. Алексин. Мой брат играет на кларнете).

Поспешность речи диктующего телеграмму оправдывается реакцией на те обстоятельства (часто чрезвычайного характера), которые заставляют телеграфировать (при отсутствии других средств связи). Два нижеследующих примера вызывают к звуковой памяти тех, кто живет «далеко от Москвы»:

– Из Москвы, откуда еще! Я же столичная девушка!

Она говорила нарочито замедленно, растягивая слова, томным голосом, как глупышка из телевизора <...> (Т. Устинова. Где-то на краю света).

«Глупышка из телевизора» не только «акает», но и растягивает слова, как это свойственно жительнице столицы, до чванливости гордящейся своим статусом.

И еще одна иллюстрация:

Афганский язык давался ей легко, хоть и звучал непривычно – жители гор протяжно выговаривали гласные, словно привыкли перекрикиваться друг с другом, стоя по разные стороны ущелья (Т. Бродских. Три бестселлера о сильной девушке).

В последнем примере сравнительный оборот вызывает к воображению читателя, позволяющего раскрыть перед ним «музыку» чужой речи.

IV. Четкость речи.

В фокус автора, описывающего речь героев создаваемого им произведения, может попасть такая ее особенность, как четкость. При этом так же, как и приведенные выше рубрики, четкость имеет тот или иной диапазон проявления: ясная, отчетливо произносимая речь и, напротив, речь, не обладающая такими признаками. В обоих случаях она уподобляется ситуациям говорения, демонстрирующим определенный уровень речи. Так, четкое и внятное произнесение фраз позволяет автору сравнить манеру произнесения слов с говорением на каких-либо особых торжественных и регламентированных мероприятиях/событиях, требующих тот или иной уровень четкости устной речи. Примером могут служить контексты, в которых четкая речь уподоблена ситуации ответа на уроке или команды в армии, когда предполагается внятность и отчетливость речи:

И в голос, громко и четко, как на плацу, отдал команду (Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт).

Соответственно, нечеткая устная речь вызывает сравнение, в котором фигурирует какое-либо препятствие артикуляции, затрудняющее ясное произношение (как правило, еда):

– Явился по вашему распоряжению, – промямлил он нечетко, словно во рту осталась лапша с гуляшом (В. Корнилов. Демобилизация).

Приведенные примеры показывают, как идентификатор речевого действия в формате печатного слова приближается благодаря сравнительному обороту к конкретному звуковому образу на том основании, что контекст придаточного предложения способствует оживлению слуховой памяти читателя. Понятно, что этот контекст – лишь один из вариантов «развернутых сценариев», способных передать звуковой характер наречия, «не озвученного» в главном предложении, но все эти сценарии должны объединяться по принципу «фамильного сходства» [4].

От проблем звуковой памяти перейдем к анализу смысла сложноподчиненных предложений, содержащих косвенную речь, объективируемую грамматическими средствами языка.

Начнем с того, что изображение манеры речи действующего лица обусловлено авторским поиском средств для наиболее точного выражения оттенков чувств (в данном случае – слуха). По замечанию Н. Д. Арутюновой, изучавшей отношения тождества и подобия (применительно к семиотическому аспекту мимики), описание мимики может осуществляться «через апелляцию к ситуации-стимулу, своего рода «лидеру» класса, объединяющего все те положения дел, которые способны вызвать реакцию данного типа» [5, с. 310].

Представляется, что данное замечание может быть отнесено в том числе к контекстам, содержащим сравнения звучащей речи с другими ситуациями говорения. Однако наши наблюдения позволяют предположить, что существуют некоторые различия между уподобляемыми частями. Это замечание касается только развернутых сравнений, содержащих глагол, чему посвящено дальнейшее изложение.

Совершенно очевидно, что речь какого-либо лица и то, что ей уподобляется, распределяются между разными частями предложения. Придаточные части, несмотря на однообразие с точки зрения содержания (так как всегда происходит уподобление речи), позволяют разграничить ситуации говорения (с которыми употребляется устная речь) как типовые и единичные. Суть этого разграничения заключается в следующем. Ситуации говорения, которым уподобляется устная речь героев, могут являться типичными, реализующими/воплощающими определенный сценарий, знакомый получателю. Например, *она говорила, как выступают ораторы на площади*. Пример показывает, что говорение какого-либо лица уподоблено другой ситуации говорения, типичной речи ораторов. Уподобляющая часть реализует самостоятельную пропозицию. Напротив, в рамках второго типа уподобление речи героя является единичным, уникальным в каждом отдельном контексте. При этом в данном случае уподобление базируется не на самостоятельной новой пропозиции, а лишь на развитии предшествующей пропозиции: *Он говорил, будто милостыню просил*.

Эта разница отражается как в структуре предложения, так и в языковых средствах. Две пропозиции могут составлять сложноподчиненное предложение с придаточным сравнения, а одна, как правило, участвует в построении простого предложения, осложненного сравнительным оборотом. (Сравнительный оборот, будучи конструкцией без сказуемого, не дает придаточной части, но при необходимости может

быть трансформирован в нее: для этого вводится субъект и новая пропозиция.)

Далее обнаруживается сохранение субъекта предложения при уникальности ситуации (так как она уникальна для конкретного лица и его речевого действия). Это неизбежно приводит к совпадению видовременных форм двух глаголов, участвующих в описании речи и ее уподобления.

Отметим, что при описании типичных ситуаций говорения совпадают не только видовременные формы глаголов, но и их тематическая группировка, а чаще всего может дублироваться сама глагольная лексема:

Они говорили между собой тихо, как говорят в присутствии умирающего.

Использование союзов, скрепляющих фрагменты речь-1 и речь-2, также имеет особенности. Довольно ограниченный набор таких средств не предполагает их взаимозаменяемость: в разных ситуациях возможна реализация определенных союзов. Так, по нашим наблюдениям, союзы «словно», «будто» и «как будто», присоединяя часть предложения, содержащую уподобление, могут вводить только такие глаголы, которые выражают однократные действия, служащие уподоблению основного речевого действия.

Она говорила ровно и тихо, словно ребятам сказку рассказывала.

...повторил он громко, словно для глухой.

В данном случае союз «словно» вводит однократное действие «рассказывала», тем самым создавая единичную (и не реальную), а не типовую ситуацию. Напротив, типовая ситуация потребовала бы введения нового субъекта и другого времени глагола: **Она говорила ровно и тихо, словно бабушка сказку рассказывает*. Такое построение предложения маловероятно, так как нарушает согласование глагольных времен (или: общность семантики временных форм) при описании действий человека; также явно избыточным выглядит употребление нового субъекта «бабушка». Введение нового субъекта потребует построения сложноподчиненного предложения, а пропозиция «бабушка сказку рассказывает» будет являть реальное положение дел, а не мнимое. Тем самым утратится изобразительность в художественном тексте, которая создается недостоверным сравнением с помощью союза «словно».

В единичных/уникальных ситуациях, на наш взгляд, избыточность субъекта второй части предложения (там, где содержится уподобление) связана с тем, что союзы *словно/будто* вводят недостоверное сравнение (она не рассказывала сказку и не была бабушкой, а просто имела такую манеру говорения). Важно само действие, которому уподобляют речь, но не сам актер (бабушка).

Заключение

Изученный материал подводит авторов к следующим выводам.

1. Жизненный и коммуникативный опыт реципиентов художественного текста позволяет активизировать их звуковую память в процессе восприятия речи героев художественных произведений.

2. В равной мере это относится как к прямой, так и к косвенной речи в составе сложноподчиненного предложения.

3. В качестве триггера данного явления выступает наречие, включенное в главное предложение, которое служит для указания на признак речевого действия.

4. Образные сравнения в рамках придаточного предложения вызывают к памяти носителей языка, реализуя в сознании читателей имплицитный «звукоряд»; сравнения выступают в роли своеобразного шифра для кодификации этого «звукоряда».

5. Во всех описанных нами случаях обращение к звуковой памяти происходит непроизвольно. Человек не отдает себе отчет в том, что данный процесс имеет место, но сравнение подспудно диктует осознание этого.

6. Важным представляется подразделение ситуаций говорения на типичные, «сценарно» знакомые реципиентам, и единичные. Если первые способны к реанимации «звуковых картинок», то вторые отличаются своим разовым характером, их нет в коллективной аудиопамяти читателей.

Воронежский государственный университет

Бабушкин А. П., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка гуманитарных факультетов

E-mail: isbabushkina@mail.ru

Кузьменко П. Б., кандидат филологических наук,

преподаватель кафедры английской филологии

E-mail: p.kuzmenko2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 9 марта 2022 г.

Принята к публикации 25 мая 2022 г.

Для цитирования:

Бабушкин А. П., Кузьменко П. Б. Сравнительные обороты как средство активизации звуковой памяти // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 6–10. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2022/3/6-10>

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелев А. Д. Суждение о вымышленном мире : референция, истинность, прагматика // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М. : Наука, 1995. С. 115–122.

2. The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology / ed. by M. Eysenck. Cambridge ; Massachusetts : Blackwell Publishers, 1994. P. 390.

3. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.] ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.

4. *Витгенштейн Л.* Философские исследования. М. : АСТ : Астрель, 2010. 347 с.

5. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Языки русской культуры, 1999. 895 с.

REFERENCES

1. Shmelyov A. D. Suzhdenie o vymyshlennom mire: referenciya, istinnost', pragmatika. In: *Logicheskij analiz yazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke*. M.: Nauka, 1995. Pp. 115–122.

2. The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology. Ed. by M. Eysenck. Cambridge. Massachusetts. Blackwell Publishers, 1994. P. 390.

3. *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'yankov, Yu. G. Pankrac, L. G. Luzina; pod obshch. red. E. S. Kubryakovoj.* M.: Filol. fak. MGU, 1996. 245 p.

4. *Vitgenshtejn L.* Filosofskie issledovaniya. Moskva: AST: Astrel', 2010. 347 p.

5. *Arutyunova N. D.* YAzyki i mir cheloveka. 2-e izd., ispr. M.: YAzyki russskoj kul'tury, 1999. 895 p.

Voronezh State University

Babushkin A. P., Doctor of Philology, Professor, Professor of the English Language for Humanities Department
E-mail: isbabushkina@mail.ru

Kuzmenko P. B., Candidate of Philology, Lecturer of the English Philology Department

E-mail: p.kuzmenko2012@yandex.ru

Received: 09 March 2022

Accepted: 25 May 2022

For citation:

Babushkin A. P., Kuzmenko P. B. Comparative structures as a means of sound memory activation. Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2022. No. 3. Pp. 6–10. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2022/3/6-10>